Приложеніе къ журналу „Знаніе—сила, сила—знаніе“.

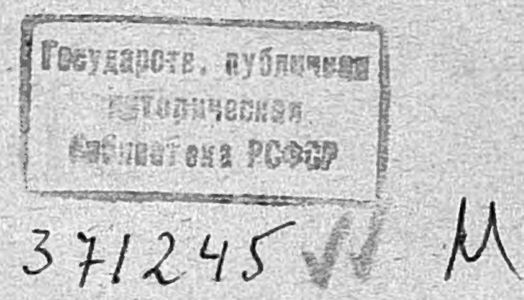
Карлъ Каутскій.

Крестьяне и революція въ Россіи.

Переводъ съ нѣмецкаго Л. Н.

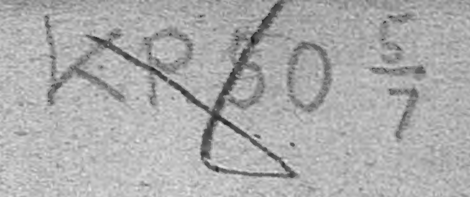

Изданіе **М. МАЛЫХЪ.**

Типографія И. Люндорфъ и Ко., Морская, 19.

Крестьяне и революція въ Россіи.

Въ „Vorwärts'ѣ" *) отъ 10 февраля помѣщена статья „О политикѣ русскаго правительства", которая начинается слѣдующими словами:

„Въ мрачной статьѣ, передающей, повидимому, настроеніе русскихъ либераловъ, „Фоссова газета" устами своего московскаго сотрудника выясняетъ политическое положеніе. Сотрудникъ увѣряетъ, что стоящая у власти правительственная клика систематически работаетъ надъ тѣмъ, чтобы „возбудить невѣжество толпы", — т. е. крестьянъ,—противъ революціонной интеллигенціи. Безспорно, что самодержавіе съ давнихъ поръ слѣдуетъ этой тактикѣ, и еще недавно оно примѣнило ее даже по отношенію къ фабричнымъ рабочимъ, которые, конечно, слишкомъ сознательны для того, чтобы поддаться такому обману".

Изъ статьи „Фоссовой газеты" „Vorwärts" далѣе цитируетъ слѣдующее:

„Яснѣе всѣхъ высказывается Побѣдоносцевъ, обратившійся къ крестьянамъ съ циркуляромъ, въ которомъ онъ увѣщеваетъ ихъ защищать царя и повиноваться начальству. Противъ кого надо защищать царя? Конечно, противъ внутренняго врага, противъ либераловъ и всѣхъ не истинно-русскихъ людей, противъ интеллигентовъ, которымъ надоѣло терпѣть выжиманіе ихъ собственныхъ и народныхъ соковъ. Клика подготовляетъ народъ къ работѣ въ данный моментъ въ пользу реакціи. Въ чертѣ осѣдлости это долженъ понять еврей, а въ центральной Россіи— либеральный земецъ. Послѣ петербургскихъ событій я считаю правительственную клику способной на все, и ни одинъ образованный русскій человѣкъ не можетъ отрицать, что популярность,—въ буквальномъ смыслѣ этого слова,—останется на сторонѣ власти...

„Я не думаю, чтобы крестьянскія волненія въ Россіи начались одновременно во всѣхъ губерніяхъ; для этого у клики, стоящей у власти слишкомъ много противниковъ въ рядахъ губернаторовъ; такъ же мало могу я повѣрить тому, что такое возстаніе начнется уже теперь. Толпы рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкахъ, высылаются на родину. Спрашивается, почему въ деревню высылается именно безпокойный элементъ, а не тысячи нищихъ? На это не существуетъ другого объясненія, кромѣ желанія власть имущихъ возбудить въ деревняхъ народъ противъ интеллигенціи.

„Несмотря на это, нельзя ждать крестьянскаго возстанія противъ интеллигенціи ранѣе весны. Но тогда на сцену выступятъ экономиче-

*) „Vorwärts"—„Впередъ"—центральный органъ соціалдемократической партіи въ Германіи.

скіе факторы, которые, мнѣ кажется, сдѣлаютъ возстаніе,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ — неизбѣжнымъ. Прежде всего, одпимъ изъ такихъ факторовъ явится недостатокъ зерна для посѣва и недостатокъ денегъ для закупки его, а затѣмъ—отсутствіе достаточнаго количества рабочихъ рукъ. Періодъ посѣва въ Россіи гораздо короче, чѣмъ въ Германіи, а пашни, нарѣзанныя въ разныхъ мѣстахъ, часто лежатъ на разстояніи отъ 2 до 3 миль другъ отъ друга. Нѣкоторымъ военнымъ округамъ пришлось, кромѣ того, вынести 7 или 8 мобилизацій. Крестьяне многихъ областей будутъ лишены возможности посѣять хлѣбъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, они позднѣе будутъ лишены и урожая. Государство не будетъ въ состояніи во время доставлять хлѣбъ, если бы даже въ финансовомъ отношеніи оно могло справиться съ этимъ. Итакъ, что остается крестьянамъ, кромѣ грабежа? Вѣдь никто не думаетъ, что крестьянинъ уже настолько изнуренъ, что готовъ лечь и помереть?

„Если самодержавное правительство не уступитъ и не удовлетворитъ тотчасъ же главныя требованія, выставленныя умѣренно-либеральной партіей, а именно, требованія свободы печати и созыва *парламента изъ земскихъ дѣятелей*, то Россія обратится въ арену народнаго возстанія, которое своими ужасами не уступитъ тридцатилѣтней войнѣ въ Германіи. Это возстаніе, быть можетъ, не только смететъ нынѣшнее правительство въ Россіи, но оно уничтожитъ и культуру и разгромитъ русское государство".

Въ заключеніе, „Vorwärts" дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе къ этимъ выводамъ:

„Въ этой картинѣ, какъ видно, отражается настроеніе либераловъ и боязнь буржуазіи передъ возстаніемъ темной массы. Насколько это касается крестьянъ, которые частью, дѣйствительно, отправлялись даже на японскую войну, одушевленные слѣпой вѣрой въ самодержавное правительство,—возможно, что эти опасенія не лишены основанія. Напротивъ, вся возможность спасенія лежитъ теперь въ фабричномъ пролетаріатѣ; правительство же постарается для борьбы съ интеллигенціей, привлечь его на свою сторону лукавыми обѣщаніями. Но „умѣренные либералы" боятся своего классоваго противника—пролетаріата, и отсюда ихъ страхъ, создающій призраки. „Умѣренный" либерализмъ и есть та опасность, преодолѣть которую можетъ лишь рѣшительная демократія".

* *
*

Если нашъ центральный органъ полагаетъ, что опасенія „Фоссовой газеты", поскольку они касаются крестьянъ, „не лишены основанія", и что „все спасеніе въ фабричномъ пролетаріатѣ", то это можетъ повести къ очень невѣрнымъ представленіямъ, особенно, если со сказаннымъ сопоставить предисловіе „Vorwärts'а", гдѣ говорится, что „господствующая клика систематически старается возбудить крестьянъ противъ революціонной интеллигенціи". Можно подумать, что наша газета ожидаетъ отъ возстанія крестьянъ самаго

худшаго для „революціонной интеллигенціи“ и революціи, если говоритъ, что единственнымъ спасителемъ при данномъ положеніи вещей является фабричный пролетаріатъ.

Я не знаю, дѣйствительно ли это хотѣлъ сказать „Vorwärts“. Впрочемъ, это вопросъ второстепенный. Важно то, что такія опасенія, если они дѣйствительно возникаютъ,—совершенно неосновательны. Революція въ Россіи нисколько не должна бояться возстанія крестьянъ, а напротивъ, она должна ожидать отъ него наилучшихъ результатовъ. Вполнѣ права „Фоссова газета“ въ томъ отношеніи, что возстаніе крестьянъ можетъ быть весьма непріятно для „либеральнаго земца“, но нельзя же земца смѣшивать съ „революціонной интеллигенціей“.

Революціонная интеллигенція состоитъ, главнымъ образомъ, изъ студентовъ, которые въ Россіи не имѣютъ ничего общаго со студентами Германіи. Если у насъ высшее образованіе становится все болѣе и болѣе привилегіей состоятельныхъ классовъ; если идеаломъ современнаго нѣмецкаго студента является лейтенантъ резерва; если германскій студентъ занимается главнымъ образомъ для того, чтобы культивировать въ своей тевтонской груди то „замороженное самомнѣніе“, которое высмѣивалъ еще Гейне,—то русскіе студенты пока еще—дѣти бѣдныхъ родителей, пробившіеся съ величайшими лишеніями. При этомъ русскіе студенты постоянно находятся подъ надзоромъ полиціи и преслѣдуются ею. Часть изъ нихъ — настоящіе пролетаріи; другіе, находящіеся въ лучшихъ условіяхъ принадлежатъ, по крайней мѣрѣ, къ оппозиціи и, благодаря своимъ товарищамъ, легко усваиваютъ идеи пролетаріата. Вотъ элементы, изъ которыхъ слагается соціалистическая революціонная интеллигенція. Конечно, не всѣ студенты принадлежатъ къ ней. Карьеристы и франты встрѣчаются и въ русскихъ университетахъ. Но они менѣе многочисленны, и ихъ тамъ презираютъ гораздо больше, чѣмъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ „народа мыслителей и поэтовъ“.

„Либеральный земецъ“ ничего общаго съ революціонной интеллигенціей не имѣетъ. Либеральный земецъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь,—это дворянинъ - помѣщикъ, для котораго идейная работа, въ лучшемъ случаѣ, — побочное занятіе. Онъ самъ въ оппозиціи, во-первыхъ, потому, что хозяйство его идетъ все хуже и хуже, а правительство, несмотря на всѣ его щедрые „дары любви“ задолженному землевладѣнію, раззоряетъ сельское хозяйство своей податной и таможенной политикой; во-вторыхъ, потому, что при возстаніи крестьянъ онъ, помѣщикъ, теряетъ больше всѣхъ. Вотъ почему онъ добивается либеральнаго режима, который, какъ онъ надѣется, сумѣетъ удовлетворить крестьянина, не затрагивая

его личныхъ интересовъ. Къ тому же, его крайне угнетаетъ ничтож ная роль въ государствѣ, на которую онъ осужденъ всемогуще бюрократіей.

Вотъ эти то либералы должны бояться возмущенія крестьянства, вовсе не „революціонная интеллигенція". Вѣдь нельзя же предполо жить, что возмутившіеся крестьяне отправятся въ города и стану штурмовать университеты!

Опасеніе, что крестьянъ можно мобилизовать противъ револю ціонной интеллигенціи,—это лишь воспоминаніе, оставшееся отъ давн прошедшихъ временъ, описанныхъ Тургеневымъ въ романѣ „Новь" Романъ этотъ долго былъ главнымъ источникомъ, изъ котораго черпал „образованные" западные европейцы свои свѣдѣнія о „нигилизмѣ".

Въ то время, когда учащаяся молодежь шла „въ народъ", чтоб пропагандировать среди крестьянъ соціализмъ, дѣйствительно, случа лось, что крестьяне плохо принимали городскихъ агитаторовъ, били прогоняли ихъ или даже выдавали начальству. Но эти времена давн прошли. Студентовъ, агитирующихъ теперь среди крестьянъ, очен немного, да и агитація ихъ не нужна, такъ какъ въ послѣдне время образовался новый слой, гораздо ближе стоящій къ крестьян ству, чѣмъ студенты. Представителей новаго слоя крестьянинъ пони маетъ лучше, съ ними онъ соединенъ многочисленными соціальным отношеніями, такъ какъ они недавно только вышли изъ крестья ской среды. Новый слой этотъ—фабричный пролетаріатъ.

Наемный рабочій, возвращающійся домой, идетъ въ свою де ревню, въ ту деревню, гдѣ онъ родился, гдѣ живутъ его родител братья и сестры, его родные и его товарищи. Такого человѣк совсѣмъ иначе принимаютъ, иначе слушаютъ, чѣмъ студента, рѣч котораго еле понятна крестьянамъ, и который, по своей наруж ности и своимъ привычкамъ, принадлежитъ къ ненавистнымъ дл крестьянъ классамъ чиновниковъ и эксплуататоровъ.

Ничто не гонитъ въ настоящее время „революціонную интелли генцію" въ деревню. Почему въ такомъ случаѣ могло бы обру шиться на нее озлобленіе крестьянъ? Иначе, конечно, дѣло обстоит съ усадьбами, полными амбарами и хорошо откормленнымъ скотом „либеральныхъ земцевъ",—съ предметами, стоящими подъ носом голоднаго крестьянина и слишкомъ легко возбуждающими его жад ность. Но это опасное положеніе „либеральные земцы" раздѣляют со всѣми крупными землевладѣльцами, даже съ самыми консервати ными и горячо поклоняющимися современному строю. Эти послѣдн должны быть совершенно слѣпыми, они должны окончательно потерят голову, чтобы подстрекать мужиковъ противъ либеральныхъ помѣщи ковъ. Крестьяне не стали бы терять времени для установленія то

зихъ политическихъ различій, а напали бы на *всѣхъ* крупныхъ землевладѣльцевъ.

„Vorwärts“, указывая на сообщенія „Фоссовой газеты“ о томъ, что господствующая клика систематически старается натравить крестьянъ на либераловъ и интеллигентовъ, замѣчаетъ: „Совершенно вѣрно, что бюрократія издавна слѣдуетъ этой тактикѣ“. Болѣе вѣрнымъ было бы замѣчаніе, что бюрократія издавна остерегается слѣдовать этой тактикѣ, если подъ „либералами“ и „интеллигентами“ подразумѣвать тѣ классы, которые въ данномъ случаѣ только и можно подразумѣвать, т. е. либеральныхъ помѣщиковъ, а не революціонно-настроенныхъ студентовъ. Для того, чтобы говорить. будто „господствующая клика“ систематически преслѣдуетъ, даже въ настоящее время, такую самоубійственную политику, должны существовать болѣе вѣскія доказательства, чѣмъ фантастическіе страхи какого-то московскаго либерала.

Но этимъ еще не сказано, что весна не принесетъ намъ возмущенія крестьянъ въ Россіи. Крестьянскія возстанія не представляютъ тамъ ничего необыкновеннаго. Почти каждый годъ происходитъ нѣсколько крестьянскихъ бунтовъ, которые повторяются съ такой же правильностью, какъ гроза лѣтомъ; но при нормальныхъ условіяхъ бунты эти причиняютъ не болѣе вреда, чѣмъ эта послѣдняя, и легко подавляются.

Русскій крестьянинъ еще болѣе отдаленъ отъ центровъ политической и культурной жизни, чѣмъ западно-европейскій; мѣстныя нужды заставляютъ его неожиданно сопротивляться начальству. безъ плана, безъ соглашенія съ окрестными жителями, безъ вниманія къ обще-экономическому и политическому положенію страны, безъ средствъ къ сопротивленію. Обыкновенно достаточно нѣсколькихъ казаковъ, чтобы „успокоить“ бунтующую деревню, и торжественная порка, которой подвергаются наиболѣе смѣлые и выдающіеся представители ея, составляетъ обычное заключеніе каждаго бунта.

Но на этотъ разъ можно ожидать другого. Сообщенія о несчастной войнѣ и о безпорядкахъ въ городахъ, хотя медленно, но неудержимо проникаютъ въ самыя отдаленныя деревни, распространяя тамъ всеобщее волненіе. Война, съ Японіей, въ противоположность послѣдней русско-турецкой войнѣ, съ самаго начала возбудила всеобщее недовольство; раздраженіе росло при каждой мобилизаціи. „Vorwärts“, положимъ, говоритъ, что крестьяне частью шли на войну „въ слѣпомъ воодушевленіи“, но это слѣпое воодушевленіе существовало только въ ложныхъ сообщеніяхъ русской рептильной прессы. Въ дѣйствительности, ничего подобнаго не было.

Результатъ войны содѣйствуетъ теперь тому, что въ деревнѣ все

лѣеибо болѣе наростаетъ настроеніе, совершенно обратное „слѣ-
по умвоодушевленію“. Этому способствуютъ сообщенія о пораже-
ніяхъ, проникающія, въ концѣ концовъ, и въ крестьянскія избы, а
главнымъ образомъ, тѣ изувѣченные и больные, которые возвраща-
ются съ войны, и которыхъ отправляютъ на родину, чтобы они не
попадались на глаза въ городахъ. Горе и злоба каждаго изъ этихъ
измученныхъ людей должны пробудить изъ апатіи даже самаго
тупаго крестьянина.

Къ этимъ агитаторамъ противъ правительства присоединяются
теперь и рабочіе, массами высылаемые изъ охваченныхъ безпоряд-
ками городовъ: нельзя же всѣхъ разстрѣлять или посадить въ
тюрьму. Они являются въ деревнѣ вѣстниками волненій и разду-
ваютъ новыя возмущенія. Какъ въ свое время при дѣйствіи закона
о соціалистахъ въ Германіи и усиленной охранѣ въ Австріи, высе-
леніе многочисленныхъ товарищей изъ большихъ городовъ было мо-
гущественнымъ рычагомъ для развитія соціалистической пропаганды
на мѣстахъ,—такъ теперь мы видимъ то же и при дѣятельности рус-
ской реакціи. Но никто не станетъ увѣрять, что Бисмаркъ и Таафе
„систематически“ стремились къ „возбужденію“ пролетаріата не-
большихъ городовъ противъ капиталистовъ. И всякому врагу соціализма
пришлось выбирать одно изъ двухъ: или терпѣть зачинщиковъ безпо-
рядковъ близъ себя, гдѣ они непосредственно опасны, или же уда-
лить ихъ подальше, чтобы на время легче вздохнуть, позднѣе же—
подвергнуться нападенію съ удвоенной силой.

Это самое должно было случиться и въ Россіи и при томъ го-
раздо быстрѣе и энергичнѣе, чѣмъ въ Германіи и Австріи, потому
что если каждый годъ войны считается за два, то въ революціон-
ныя времена годъ долженъ считаться за 10—20 лѣтъ.

Война и городскіе безпорядки изъ года въ годъ не только вла-
стно побуждаютъ къ крестьянскимъ возстаніямъ, они также лишаютъ
государственную власть возможности подавить эти бунты. Войска и
полиція теперь завалены непосильной работой, хотя городскаго на-
селенія сравнительно немного; только 14 процентовъ изъ 130 мил-
ліоновъ всего русскаго населенія живутъ въ городахъ. Сельское на-
селеніе поставляетъ еще достаточно войска для того, чтобы, по
крайней мѣрѣ, помѣшать побѣдѣ инсуррекціи въ городахъ, если не
уничтожить ее совсѣмъ. Но откуда взять солдатъ, чтобы сдержать
огромное количество крестьянъ? А разъ только крестьяне увидятъ,
что они безнаказанно могутъ возставать, возстаніе легко разгорится въ
яркое пламя. Въ горючемъ матеріалѣ недостатка нѣтъ.

Итакъ, мы можемъ ждать, что черезъ нѣсколько недѣль и мѣ-
сяцевъ къ постояннымъ волненіямъ въ городахъ присоединятся и

ироко распространятся волненія въ деревняхъ, если не подоспѣетъ воевременно парламентская конституція и не дастъ страдающимъ лассамъ народа сразу возможность добиваться осуществленія своихъ тремленій, пользуясь новыми формами. Земецъ прекрасно знаетъ, очему онъ именно теперь бросился такъ стремительно въ либера-измъ. Когда возстанутъ крестьяне, всѣ требованія его парламент-кой конституціи уже ни къ чему не приведутъ.

Возмущеніе крестьянъ не можетъ угрожать дѣлу революціи; оно ожетъ только способствовать ея развитію.

Съ самаго начала нельзя было ожидать, что волненія среди го-одскихъ рабочихъ поведутъ къ немедленному паденію современнаго ежима. Въ распоряженіи послѣдняго находятся всѣ средства совре-енной военной техники, съ которыми нельзя бороться револьверами ручными бомбами. Штурмъ Бастиліи, февральскіе и мартовскіе ни 1848 г. не повторятся болѣе. Современный режимъ, т. е. ре-имъ, обладающій всѣми орудіями власти современнаго государства, ожетъ быть низвергнутъ силою только въ такомъ случаѣ, если ли-ить его средствъ къ существованію и такимъ путемъ прекратить функціо-ированіе его могущественныхъ орудій. Для этого надо поколебать го кредитъ, воспрепятствовать поступленію податей, утомить войска бюрократію, изнурить ихъ, вызвать среди нихъ недовольство и, на-онецъ, довести смятеніе и растерянность центральныхъ органовъ равительства до высшей степени. Это—продолжительный процессъ, побѣдитъ, наконецъ, тотъ, кто окажется самымъ выносливымъ и амымъ настойчивымъ. Теперешнія волненія представляютъ лишь сходный пунктъ движенія; но это движеніе можетъ побѣдить только ъ томъ случаѣ, если эти волненія не представляютъ собою его енита,—если послѣ короткаго затишья волна движенія снова по-ымется и станетъ вздыматься все выше, постоянно усиливаемая ра-ореніемъ, созданнымъ войной, застоями въ дѣловыхъ оборотахъ, и лавное—всѣми бѣдствіями, создаваемыми кровавой реакціей. Про-олженіе войны поведетъ лишь къ продолженію революціоннаго еріода, но съ другой стороны, миръ теперь означаетъ миръ позор-ый, а такой миръ повлечетъ за собою возмущеніе манчжурской рміи, которая, безъ пользы и безъ цѣли, болѣе года переносила всѣ тяготы войны только для того, чтобы безсловно вернуться на ро-дину. Продолженіе войны, какъ и заключеніе мира, въ одинаковой степени угрожаютъ режиму, и у него остался только выборъ между Сциллой и Харибдой.

Возстаніе крестьянъ должно значительно ускорить паденіе суще-ствующаго строя. Само по себѣ крестьянство не можетъ, конечно, угрожать какому-нибудь современному режиму, но положеніе дѣл

измѣняется, если крестьянское возстаніе направляется противъ пр
вительства, которое только съ трудомъ еще держится въ городах
Городская революція становится въ такомъ случаѣ непобѣдимо
Мысль о томъ, что бюрократія могла бы соединится съ деревенск
революціей для того, чтобы низвергнуть городскую—нелѣпа. То, ч
требуютъ крестьяне,—землю, рожь, скотъ,—они найдутъ не въ
родѣ, а только въ большихъ имѣніяхъ. Но удѣльное вѣдомство—
мый богатый помѣщикъ въ Имперіи; каждый ущербъ, нанесенн
крупному землевладѣнію, угрожаетъ и его имуществу. Вѣдомст
двора (проф. Массарикъ во „Франкфуртской газетѣ") принадлежи
325 помѣстій. Самодержавное правительство не можетъ ни ч
дать крестьянамъ, оно только можетъ отнимать у нихъ: сыно
для военной службы, деньги для государственной казны.

Совершенно не то представляетъ городская революція.

Конечно, отношеніе соціалистовъ къ крестьянамъ въ Росс
какъ и вездѣ, возбуждаетъ споры. Крестьянство представляетъ соб
многочисленный слой населенія, и каждая демократическая пар
должна считаться съ нимъ; но всѣ попытки отвести крестьянско
хозяйству, въ его настоящемъ видѣ, постоянное мѣсто въ соціалис
ческомъ производствѣ, приводятъ къ заблужденіямъ и чудовищны
нелѣпостямъ.

Въ настоящее время, однако, въ Россіи дѣло идетъ не о соціальн
революціи и не о завоеваніи политической власти однимъ изъ н
шихъ классовъ общества для установленія новаго способа произв
ства, а о политической революціи, имѣющей цѣлью убрать полит
ческія препятствія, которыя мѣшаютъ свободному функціонирова
уже существующаго способа производства.

Историческая роль фабричнаго соціалистическаго пролетаріа
въ этой революціи заключается не въ томъ, чтобы положить осно
ніе соціалистическому обществу, но въ томъ, чтобы рѣшительн
„радикальнѣе" чѣмъ всѣ другіе классы, защищать интересы дем
кратіи,—пока еще на фундаментѣ современнаго общества.

И именно, этотъ радикализмъ, эта рѣшительность городск
революціоннаго пролетаріата можетъ облегчить и облегчитъ су
ствованіе крестьянской массѣ,—если только революціи удастся
бѣдить.

Въ спорѣ между крестьянами и крупными помѣщиками городс
революціонное движеніе должно было бы держаться нейтрально;
не зачѣмъ становиться между мужикомъ и помѣщикомъ и охран
послѣдняго отъ перваго; всѣ симпатіи городскаго движенія—
сторонѣ крестьянъ. Но въ задачи его не входитъ и возстанов
ніе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, которые въ настоя

ремя въ Россiи играютъ другую роль, чѣмъ, напримѣръ, феодаль-
ые дворяне при старомъ режимѣ во Францiи. Впрочемъ, город
кіе революцiонеры, даже и при желанiи, могли бы оказать лишь
ичтожное влiянiе на отношенiя между крестьянами къ помѣщи-
ами. Это они сами между собой разберутъ.

Однако, крестьянинъ находится въ извѣстныхъ отношенiяхъ не
олько къ крупнымъ землевладѣнiямъ, но и къ государству. И здѣсь
го интересы сходятся съ интересами городской революцiи и стано-
ятся дiаметрально противоположными интересамъ правительства.

Городская революцiя требуетъ прекращенiя войны, уничтоженiя
остоянной армiи и замѣны ея милицiею. Отказъ отъ воинской по-
инности будетъ, надо полагать, однимъ изъ первыхъ актовъ воз-
тавшаго крестьянства. Ни въ какое другое время требованiе уничто-
енiя постоянной армiи, не могло быть популярнѣе, чѣмъ теперь,
огда Россiи ни откуда не грозитъ опасность, а войско служитъ
ишь для того, чтобы разстрѣливать собственный народъ и вести
толь же безславную, сколь и вредную и ничѣмъ не оправданную
ойну для расширенiя территорiи.

Но городская революцiя требуетъ еще упраздненiя тягостныхъ для
арода податей и замѣны ихъ прогрессивнымъ подоходнымъ нало-
омъ, при которомъ небольшiе доходы будутъ освобождены отъ обло-
енiя. Отъ проведенiя въ жизнь этого требованiя болѣе всѣхъ вы-
грываетъ крестьянство, которое гораздо болѣе страдаетъ и разо-
яется отъ податнаго бремени, чѣмъ западно-европейское; для рус-
каго крестьянина, при его ничтожныхъ доходахъ, осуществленiе
того требованiя равносильно освобожденiю отъ всякихъ податей.

Вотъ два требованiя, которыхъ уже должно быть достаточно,
тобы привязать русскаго крестьянина къ дѣлу революцiи также го-
ячо, какъ въ 1789 г. революцiя привлекла на свою сторону фран-
узскаго крестьянина упраздненiемъ феодальнаго гнета.

„Либеральные земцы“, однако, не могутъ подняться до этихъ
вухъ требованiй. Только революцiонный пролетарiатъ обладаетъ
остаточной рѣшительностью и отвагой, чтобы предъявить эти тре-
ованiя, и поэтому можно сказать, что только фабричный проле-
арiатъ можетъ „спасти“ революцiю, то есть, сдѣлать крестьянъ
я борцами.

Но городская революцiя должна пойти еще дальше. Эта револю-
iя, не будучи еще соцiалистической, во всякомъ случаѣ, будетъ
еволюцiей пролетарской,—революцiей, требующей чтобы государство
дѣлало все, что въ его силахъ, чтобы устранить матерiальную и
нтеллектуальную нищету низшихъ народныхъ классовъ. Но для этого
ъ капиталистическомъ обществѣ нужны деньги, много денегъ, а гдѣ

ихъ взять, если всѣ отягощающія народъ подати будутъ упразднены и
намѣнены прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ на большіе доходы.
Режимъ либеральныхъ земцевъ при такихъ осложненіяхъ долженъ
былъ бы потерпѣть крушеніе, пролетарская же революція, напротивъ,
не остановилась бы передъ мѣрами, которыя приводятъ въ ужас
либераловъ, она конфисковала бы имѣнія церковныя, монастырскія
удѣльныя и создала бы, такимъ образомъ, богатый фондъ для того
чтобы сразу высоко поднять культурный уровень Россіи, какъ крѣ-
стьянской, такъ и пролетарской. Однѣ лишь земли вѣдомства двор
составляють восемь милліоновъ гектаровъ; церкви и монастыри вла-
дѣютъ приблизительно такимъ же количествомъ, а вмѣстѣ взятыя вс
эти земли равняются всей годной для обработки поверхност
Пруссіи [1]). Движимое имущество, относительно, также велико. Как
много можно было бы сдѣлать съ такими громадными средствами—
сколько школъ, сколько больницъ можно было бы построить н
вырученныя средства, сколько скота, земледѣльческихъ орудій мож
было бы закупить для крестьянъ и т. д. Впрочемъ, побѣдоносна
революція могла бы, не употребляя особенно большихъ усилій, исполь-
зовать также огромныя помѣстья злѣйшихъ противниковъ революці
для улучшенія положенія пролетаріата и крестьянства.

Ясно, что революція можетъ предложить крестьянину больш
чѣмъ самодержавное правительство. И если произойдетъ возстан
крестьянства, на что указываютъ множество симптомовъ, революці
нечего бояться; бояться должны члены теперешняго правительст
которые лишились бы не только власти, но—что было бы для ни
еще чувствительнѣе—и своихъ богатствъ.

Городской революціонный пролетаріатъ привѣтствуетъ въ кр
стьянствѣ своего лучшаго союзника. Если „господствующая клик
была бы, дѣйствительно, настолько безумна, что сама начала
подстрекать крестьянство къ возстанію, то она сдѣлала бы совсѣ
другія открытія, чѣмъ тѣ, которыхъ она добилась съ гапоновски
и зубатовскими рабочими организаціями.

Итакъ, продолжайте, господа!

Февраль 1905 г.

---

[1]) По сообщенію Драга о Россіи въ англійской анкетѣ о положе
рабочихъ (Лондонъ 1894 г.), земли вѣдомства двора составля
7367740 десятинъ=8100000 гектаровъ; церковныя, монастырскія и го
скія земли 8572622 десятинъ=9500000 гектаровъ. Недвижимое город
имущество незначительно. Эти цифры относятся только къ Евро
ской Россіи, кромѣ Польши, Финляндіи и Области Войска Донскаго.

